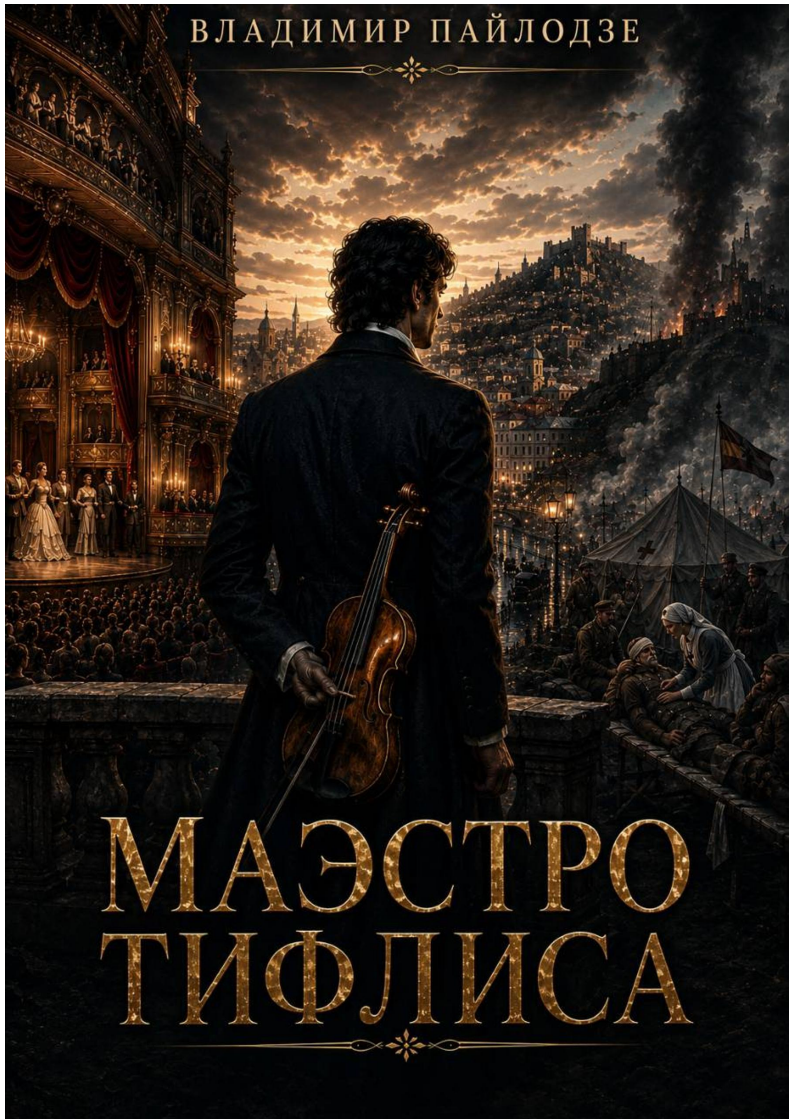

ВЛАДИМИР ПАЙЛОДЗЕ

МАЭСТРО ТИФЛИСА

Владимир Пайлодзе Маэстро Тифлиса

<https://litres.ru/74289287>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тифлис. 1876 год.

Человек из XXI века приходит в себя в Российской империи.

У него нет ни денег, ни имени, ни будущего.

Есть только память о музыке, которую этот мир ещё не слышал.

Князем Сандро Липартиани, он решает совершить невозможное — построить театр, который изменит Кавказ.

Но старый мир не собирается уступать без боя.

Влиятельные враги, придворные интриги, борьба с цензурой, первые электрические лампы, песни, которым ещё только предстоит стать легендами

А затем история сама выходит на сцену.

И оказывается, что иногда один спектакль способен изменить больше, чем целая армия.

Содержание

Глава 1. Первая партитура.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Пайлодзе Маэстро Тифлиса

Глава 1. Первая партитура.

Сначала пришёл запах. Тяжёлый, густой аромат воска, дорогого табака и чего-то приторного — точно забродивший виноградный сок, забытый в подвале.

Он не открывал глаз. Старая привычка, выработанная десятилетиями: когда чувствуешь, что уходишь, не трать силы на то, чтобы смотреть в пустоту. Лежал неподвижно, слушал, как внутри, где-то у груди, ровно и тяжело бьётся сердце. Не его сердце. Его — старое, изношенное — затихло где-то в другом, далёком мире, оставив после себя лишь лёгкое чувство удовлетворения: «Хорошо пожил. Весело, но мало».

Но этот ритм... Он был слишком мощным. Слишком чистым.

Сквозь пелену сознания начали пробиваться звуки. Голоса. Резкие, гортанные, с характерным грузинским выговором, вперемишку с сухой, властной русской речью.

— ...не может быть, чтобы он выжил...

— ...честь рода важнее жизни, князь...

В этот момент мир взорвался.

Потом пришла боль. Резкая, пульсирующая в виске, словно в череп вбили раскалённый гвоздь. А затем — поток. Чужие воспоминания хлынули в сознание, как лавина. Это было не воспоминание. Это было похоже на то, как в работающий проигрыватель вставили заезженную пластинку на максимальной громкости. Память чужого тела врывалась в него, смешиваясь с его собственным опытом.

Он увидел лицо. Холодное, надменное лицо Орбелиани. Почувствовал жгучую, невыносимую горечь унижения. Его — не просто оскорбили, его втоптали в грязь. Его фамилия, чьи корни уходили в те времена, когда предки Орбелиани ещё только учились держать меч, теперь была лишь тенью. Пылью под сапогами князя.

Он почувствовал холод в руке. Дуэль. Последний шанс сохранить то, что нельзя купить, — достоинство.

Право первого выстрела у Орбелиани.

Вспышка. Блеск дуэльных пистолетов, высокомерный взгляд Орбелиани — и звук выстрела, который оборвал чью-то жизнь. Резкий, сухой грохот пороха. Пуля прошла по касательной, разрывая плоть у виска, превращая разум в кровавое месиво. Последнее, что зафиксировал этот человек перед тем, как провалиться в небытие, был отчаянный, хриплый крик души:

«Боже! Пришли мне кого-то! Кого-то, кто сможет защитить мой род! Кого-то, кто вернёт нам имя!»

Маэстро почувствовал, как этот крик — чистый, концентрированный запрос — вошёл в него, как раскалённая игла.

«Боже, если ты есть... отдай моё тело тому, кто сможет вернуть мне честь!» — этот крик, уже не принадлежавший ему, всё ещё вибрировал в его лёгких.

Он открыл глаза.

Потолок был расписан золотом и лепниной. Тяжёлые бархатные шторы отсекали свет, оставляя в комнате густые полутени. В воздухе пахло дорогим коньяком, воском и чем-то терпким, грузинским — точно смола от горящих виноградных лоз.

— ...бездарный музыкантишка, — донёлся до него ленивый, чуть надменный голос. — Что он мог сделать военному? Даже пистолет держать не умел. Просто пустая трата пороха и времени.

Голос принадлежал мужчине. В нём не было сочувствия — только брезгливость, с какой смотрят на раздавленного жука.

Герой почувствовал, как внутри закипает холодная, яростная злость. Не та, что бывает у обиженных мальчишек, а та, что чувствует профессионал, когда кто-то оскверняет саму суть дела. Он вспомнил всё: как в девяностых вытягивал из забитого кабака последние деньги, играя на расстроенном пианино; как в драках за право получить своё в ресторане он не просто отбивался, а работал руками, как профессиональный боксёр. Он знал, куда ударить, чтобы человек перестал дышать. И знал, как извлечь из разбитой скрипки звук, от которого у дам замирало сердце.

Кабаки, драки, бессонные ночи за инструментом — и этот чертов драйв, когда одна нота может заставить толпу замереть.

Он резко сел на диване. Голова отозвалась тяжёлым ударом, но он подавил боль. Медленно поднялся на ноги. Тело

возмутилось было, но быстро подчинилось.

— Значит, ты просил защитника, — прошептал он. Голос был молодым, чистым, но в нём прорезались те самые хриплые, прожжённые нотки, которые он носил в себе девяносто лет. — Что ж, парень. Ты получил своего Маэстро.

Он подошёл к зеркалу в тяжёлой раме. На него смотрел молодой человек с благородными чертами лица, но в глазах... в глазах горел огонь человека, который видел дно жизни и не испугался его.

— Орбелиани, — произнёс он, пробуя фамилию на вкус, как дешёвое вино. — Посмотрим, сможешь ли ты выдержать мою новую партитуру.

— Значит, пустая трата? — голос прозвучал хрипло, непривычно глубоко.

В гостиной воцарилась тишина. Мужчина в мундире, с безупречной осанкой и лицом, высеченным из камня, обернулся. Князь Орбелиани. Он смотрел на «покойника» так, словно тот просто решил сменить позу.

Герой поднялся. Тело было непривычно лёгким, но в нём чувствовалась скрытая, пружинистая сила. Он не чувствовал

страха. Только азарт.

— Вы выбрали оружие, князь, — он сделал шаг вперёд, глядя прямо в глаза аристократу. — И я согласился на этот бой. Но теперь я выбираю своё.

Орбелиани приподнял бровь. В его глазах мелькнуло любопытство, смешанное с насмешкой.

— И что же это? Нож? Или вы решите, что ваши пальцы могут заменить свинец?

— Музыка, — отрезал герой. Он указал на массивный рояль в углу и на скрипку, лежащую на столике. — Музыка — это тоже оружие. И я принимаю ваш вызов.

— Музыка — это декорация, молодой человек. Как и вы.

— Значит, вы считаете, что она не имеет веса? Что это лишь шум для развлечения?

Князь коротко рассмеялся. Сухой, лающий смех.

— Тогда я изменю декорации, — отрезал герой. — Мы будем сражаться звуком.

— Что ж. Если вам так хочется умереть красиво, я не стану мешать. Но помните: в этой дуэли у вас нет права на первый выстрел.

— У меня есть право на победу, — парировал герой. — Играйте.

Орбелиани, не желая затягивать этот фарс, подошёл к инструменту. Его движения были выверенными, аристократичными. Он начал играть. Это был вальс — техничный, безупречный, но мёртвый. В нём не было жизни — только математическая точность и холодное превосходство. Музыка лилась по залу, как ледяная вода. Даже то, что он пел на русском, не могло помочь погрузиться в неё.

Герой внимательно слушал. Чувствовал, как ритм пытается подчинить себе пространство, но не находит отклика.

— Князь, — перебил он, когда затихли последние аккорды. — Вы поёте на русском. Скажите, а какая ваша национальность? Что вы поёте на языке империи?

Орбелиани сузил глаза. Воздух в комнате стал тяжёлым, как перед грозой.

— Это язык, на котором говорит этот мир, — холодно от-

ветил он.

— Тогда я покажу вам, как поёт эта земля.

Герой подошёл к роялю. Он не просто сел за инструмент. Он вошёл в него.

Первые аккорды «Тбилисо» ударили по стенам, как гром. Это была не просто музыка — это был пульс земли, запах виноградников и жар грузинского солнца. Он пел на грузинском, и его голос — глубокий, с лёгкой хрипотцой — казалось, заставлял сами стены гостинной вибрировать. Это был голос предков. Первобытный и неоспоримый.

Слуги замерли в дверях. Гости в соседнем зале перестали говорить. Князь Орбелиани застыл, его рука, поправлявшая манжет, дрогнула.

Музыкант жёстко зафиксировал на нём взгляд. Резко сменил тональность, переходя на русский язык. Это был дерзкий, почти политический жест. Он пел на языке империи, который Орбелиани считал своим инструментом власти, но вложил в него столько живой, невыносимой боли и страсти, что музыка стала казаться осязаемой. Он пел специально для князя, глядя ему прямо в глаза, заставляя того почувствовать себя не хозяином комнаты, а лишь случайным слушателем.

Князь побледнел. Он увидел в глазах музыканта не просто талант, а нечто пугающее — силу человека, который не боится смерти.

Но герой не собирался останавливаться. Резко переменял ритм, переходя на безупречный, изысканный французский. Это была ария «Belle». Настоящий интеллектуальный капкан. Французская элегантность хлынула в комнату, превращаясь в чистую атаку. Маэстро не просто играл — он захватывал территорию, показывая, что этот человек в дешёвом сюртуке — не «музыкантишка», а стихия. Тот, кто владеет смыслами мира, не нуждаясь в пистолетах.

Он начал виртуозно переплетать языки. Французская изысканность плавно перетекала в грузинскую экспрессию, а та, в свою очередь, растворялась в глубоком русском надрыве. Он создавал ландшафт, в котором каждый звук занимал своё законное место, подчиняя себе пространство. Он доказывал этой чопорной аристократии, что стоит выше них на голову.

Когда последняя нота затихла, в гостиной стояла такая тишина, что было слышно, как оседает пыль в лучах света.

Герой медленно поднял взгляд на Орбелиани.

— Теперь, князь, — тихо сказал он, — скажите мне ещё раз: пустая ли это трата времени?

Зал задышал тяжёлым, сладковатым ароматом лилий и дорогого табака. Свечи в массивных люстрах давали не столько свет, сколько густую золотистую тень, скрывавшую лица тех, кто шептался в углах. После войны Тифлис напоминал растревоженный улей: здесь смешивались блеск имперских орденов и холодный, как сталь, взгляд кавказских князей.

— Это за гранью! — голос полковника Волкова прозвучал резко, как выстрел в тишине.

Он стоял в центре круга, его грудь, украшенная боевыми наградами, тяжело вздымалась. Он смотрел на героя — не как на гостя, а как на дефект в идеально отлаженном механизме.

— Вы позволяете себе вольности, которые не подобают человеку вашего... — Волков запнулся, подбирая слово, — статуса. Вы игнорируете субординацию, вы смешиваете стихии и смотрите на офицера империи так, будто он — лишь одна из ваших мелодий.

Орбелиани, стоявший чуть поодаль, не вмешивался. Он замер, сжимая в пальцах тонкий бокал, и в его глазах читалось не гнев, а опасное любопытство. Он ждал, что сейчас последует извинение. Что герой склонит голову и вернёт себе право на существование в этом зале.

Наместник, сидевший в кресле в глубине залы, не шелохнулся. Он наблюдал, как в этой точке пространства сейчас решится: станет ли этот человек ценным активом или мусором, который нужно вынести из города.

Герой не дрогнул. Он даже не поднял взгляд сразу, словно продолжал дослушивать музыку, которая звучала только в его голове. Когда он наконец посмотрел на Волкова, в его глазах не было ни страха, ни вызова. Только пугающая, кристальная ясность.

— Офицер... — голос героя был негромким, но он прорезал гул разговоров, как лезвие. — Офицер — это не звание, полковник. И не форма. Это честность. Прежде всего — перед самим собой. Если честь для вас — это только устав, то вы не офицеры, а лишь облачённые в мундиры исполнители приказов.

В зале воцарилась мёртвая тишина. Кто-то из присутствующих неловко кашлянул. Волков побагровел, его рука

непроизвольно легла на эфес шпаги.

— Вы смеете... — начал он.

— Я предлагаю вам нечто большее, чем дисциплину, — перебил его герой. Он сделал шаг вперёд, и само его движение казалось неестественно плавным, почти неземным. — Вы живёте по расчёту, по стратегии, по правилам. А жизнь... жизнь — это «авось». Тот самый безумный, отчаянный прыжок в бездну, когда ты не знаешь, поймает тебя небо или раздавит земля. И только тот, кто готов на этот прыжок, достоин носить мундир.

Герой обвел взглядом замерший зал и добавил тише, но так, что его слышал каждый:

— Вспомните безумный поход камергера Николая Резанова к берегам Калифорнии. Его любовь к юной Кончите, их клятву и тридцать лет её верного ожидания на краю земли. Империя двигалась вперёд не параграфами ваших уставов, полковник. Она держалась на таких людях. Вот где истинная честь, любовь и вера.

Волков открыл было рот, чтобы приказать арестовать наглеца, но герой не дал ему разорвать паузу. Он сделал ещё один короткий шаг вперёд. Напряжение в зале достигло

предела — казалось, сейчас зазвонят хрустальные подвески люстр.

И вдруг герой запел.

Без аккомпанемента, без подготовки, его голос зазвучал в душном пространстве зала — сначала негромко, почти интимно, но с такой плотной, вибрирующей силой, что по спинам присутствующих побежали мурашки. Это не была светская ария. Это был гимн обречённых и сильных:

— *Нас мало, нас адски мало,
И самое страшное — что мы врозь...*

Герой перевёл взгляд с побледневшего полковника на замершего Орбелиани, а затем посмотрел прямо в глубь зала, туда, где в тени кресла сидел Наместник. Голос его окреп, в нём зазвенел чистый металл:

— *Но парус наш белый вынес
Внезапный жестокий авось.
Погибшие юнги право
Имеют спросить со снобства:
«Россия, какая слава?
Какое, в чёртах, господство?!»*

На последней строчке его голос оборвался так же резко, как и начался. Последнее слово повисло над залом осязаемой, тяжёлой каплей. Попаданец едва заметно усмехнулся, глядя на вытянувшиеся лица кавказских офицеров, для которых эти безумные, невозможные стихи из будущего внезапно попали в самую израненную точку их собственной гордости.

Он не стал ждать ответа. Он не стал оправдываться.

Герой закрыл глаза. Он не стал петь громко, как это делают на площадях, а просто позволил звуку вырваться из груди. Это была мелодия, в которой слышался и стон раненых под Пятигорском, и шёпот ветра в ущельях, и неразрешимая тоска человека, знающего будущее. Музыка не подчинялась строгим правилам гармонии девятнадцатого века — она была слишком прямой, слишком честной, слишком... современной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.